

Витебское Подвинье в период провинциально-римских влияний и в эпоху Великого переселения народов

Бубенько Т.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Историческое местоположение Витебского Подвинья на протяжении многих тысячелетий было связано с его нахождением на водораздельном участке. Изучаемый регион является частью особой географической и культурной области, своеобразной контактной зоной для различных племенных группировок раннего железного века и раннего средневековья.

Цель статьи – исследование культурно-исторических процессов, происходивших в Витебском Подвинье в I тыс. н.э.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы исследований в Витебском Подвинье в 2016–2020 гг. При ее написании использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический методы и др.

Результаты и их обсуждение. Многообразие культурных традиций, фиксируемое в изучаемом регионе, может быть объяснено не только результатами естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов. Наиболее явственно эта роль проявляется при коренной смене археологических культур в III в. н.э., что привело к вытеснению качественно новых культурных общностей.

Заключение. Материалы, полученные в процессе изучения поселений Витебского Подвинья, в той или иной мере отражают миграционные процессы, протекавшие в северо-восточной Беларуси на протяжении I тыс. н.э., направление и характер взаимодействия различных этносов на разных этапах их колонизации. В результате нескольких волн праславянской колонизации региона здесь во второй половине I тыс. н.э. сформировался полиэтнический состав населения с преобладанием славянского компонента.

Ключевые слова: поселения, миграции, вещевые комплексы, хронологические индикаторы, племена, этнос.

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 10–21)

Vitebsk Dvina Basin Region (Podvinye) During Roman Province Influence and in the Epoch of Great Migration of Peoples

Bubenko T.S.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The historic location of Vitebsk Podvinye over numerous thousands of years was connected with its position on the watershed. The region under study is a part of special geographic and cultural area, a kind of contact zone for various tribe groups of the early Iron Age and the early Middle Ages.

The purpose of the article is a study of cultural and historical processes which took place in Vitebsk Podvinye in the 1st millennium A.D.

Material and methods. The article is based on research materials in Vitebsk Podvinye in 2016–2020. Methods used both in historical and archeological studies were used: the comparative and historical, the typological, of historical reconstruction, the mapping etc.

Findings and their discussion. The variety of cultural traditions, which is identified in the studied region, can be explained not only by the results of the natural progressive development of material culture but also can indicate a substantial role of Vitebsk Podvinye population in the history of migration processes. This role manifested itself most vividly when archeological cultures radically changed in the 3rd century A.D. which resulted in maturation of qualitatively new cultural communities.

Conclusion. Materials which were obtained during the study of Vitebsk Podvinye settlements reflect migration processes in the north-eastern Belarus over the first millennium A.D. as well as the direction and the character of the interaction of various ethnic groups at different stages of their colonization. As a result of several waves of fore-Slav colonization of the Region polyethnic population with the dominance of the Slav component shaped here in the late first millennium A.D.

Key words: settlements, migration, complexes of goods, chronological indicators, tribes, ethnoses.

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 10–21)

Историческое местоположение Витебского Подвинья на протяжении многих тысячелетий было связано с его нахождением на водораздельном участке. Изучаемый регион является частью особой географической и культурной области, своеобразной контактной зоной для различных племенных группировок раннего железного века и раннего средневековья.

Многообразие культурных традиций, фиксируемое в изучаемом регионе, может быть объяснено не только результатами естественного поступательного развития материальной культуры, но и указывает на значительную роль в истории населения Витебского Подвинья миграционных процессов. Наиболее явственно эта роль проявляется при коренной смене археологических культур в III в. н.э., что привело к вызреванию качественно новых культурных общностей.

Цель статьи – исследование культурно-исторических процессов, происходивших в Витебском Подвинье в I тыс. н.э.

Материал и методы. В основу статьи положены материалы исследований в Витебском Подвинье в 2016–2020 гг., проведенные с использованием археологических методов: разведки и раскопки. При написании текста статьи использовались методы, применяемые как в исторических, так и археологических исследованиях: сравнительно-исторический, типологический, исторической реконструкции, картографический методы.

Результаты и их обсуждение. Благоприятные климатические условия, сложившиеся в исследуемом регионе в I–III вв. н.э., способствовали расцвету т.н. городищенских культур раннего железного века. Проживавшее в Витебском Подвинье автохтонное население днепро-двинской культуры значительно расширило свою территорию за счет освободившихся от воды подтопленных ранее земель. Новые земли, пригодные для занятия хозяйственной деятельностью, также привлекли в регион родственные балтские племена культуры поздней штрихованной керамики. К первым векам н.э. поселения штриховиков в левобережной части исследуемого региона встречаются повсеместно. С северо-востока отмечена инфильтрация в Витебское Подвинье финно-угорского населения дяковской культуры, на что указывает присутствие в культурном слое ряда городищ текстильной керамики. По мнению В.И. Шадыро, слияние дяковских и балтских элементов привело к последующему их самостоятельно-

му развитию в форме «позднедяковской» культуры [1, с. 63].

Вслед за штриховиками во второй четверти I тыс. н.э. в Витебское Подвинье проникают отдельные группы позднезарубинецкого населения, вторжение которых следует интерпретировать как первую волну праславянской экспансии к северу, на земли ближайших соседей. Свидетельством инфильтрации южных групп населения могут служить находки чернолощеной и подлощеной керамики, оружие, украшения (вещи с эмальями, подвязные фибулы, стеклянные бусы и т.д.). На археологическом комплексе Кордон впервые в Подвинье найдены римские монеты динарий Марка Аврелия (164 г.) и дидрахма Веспасиана и Тита (69–79 гг. н.э.) [2, с. 325, 337]. В начале XX века находки римских монет упоминаются в кладе из Стражевич (Чашникский район).

Пришлое население занимает не только частично опустевшие к этому времени городища днепро-двинцев, но и обустривает свои поселки на пологих склонах холмов, террасах и на осушенных участках у подножья городищ. Концентрация ранних селищ отмечена в двух районах Витебского Подвинья. На левобережье Западной Двины южнее линии Черная Лоза – Лукомль – Старые Лавки – Бельняки, что совпадает с северной границей территории собственно племен культуры штрихованной керамики. Второй район компактного расселения поздних зарубинцев локализован в пределах Городокской и Витебской возвышенностей. Вне очерченных ареалов известны лишь единичные селища, где встречены немногочисленные артефакты, связанные с зарубинецким кругом древностей, все они тяготеют к высоким коренным берегам рек (Кордон, Крыжи, Старое Село, Витебск, Лужесно) (рис. 1).

Процесс расселения вторгшихся в Витебское Подвинье разнотнических группировок мирным назвать нельзя. Напластования позднего этапа днепро-двинской культуры на исследованных городищах перекрыты зольно-угольным слоем (Загорцы, Бураково, Новое Село). Например, городище Загорцы было сожжено, первоначальный вал сnivelирован, площадка поселения была расширена за счет склонов на 2–3 м. Край площадки оградили стенкой-брусом из трех рядов горизонтально уложенных бревен. Расширение площадки за счет склонов в первых веках н.э. отмечено и на ряде других городищ региона (Бураково, Кострица) [3, с. 8].

Витебское Подвинье в первой половине I тыс. н.э. Поселения с находками позднезарубинецкого времени

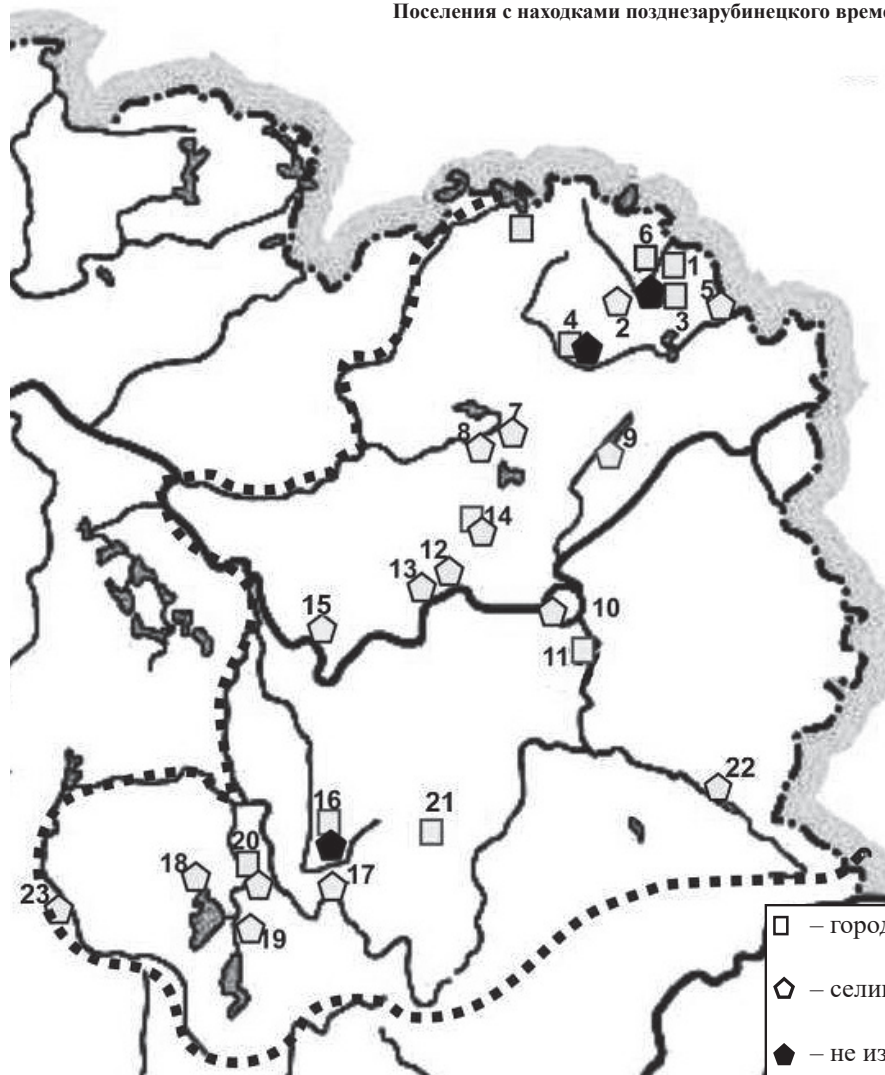

Рис. 1. Карта памятников Витебского Подвинья с позднезарубинецкими материалами: 1 – Лялевщина-Жеребцы; 2 – Межа; 3 – Загорцы; 4 – Вышадки; 5 – Борки; 6 – Лялевщина-Карловка; 7 – Городок; 8 – Казиново; 9 – Хоботы; 10 – Витебск; 11 – Витебск-Бороники; 12 – Старое Село; 13 – Уволоки-Крыжи; 14 – Синяково; 15 – Кордон; 16 – Новое Село; 17 – Замощье; 18 – Слободка; 19 – Старые Лавки; 20 – Лукомль; 21 – Горы-Осинка; 22 – Бабиновичи; 23 – Черная Лоза

В этот период отмечено дальнейшее совершенствование фортификации поселений. Широкое распространение получают кольцевые валы по склонам уже существующих городищ (Жуково, Мяклово, Городище) и городищ-убежищ (Малое Заборочье, Дреколье). Их сооружение могло быть связано как с недостаточной высотой и крутизной холма, так и с внешними угрозами (например, миграциями в Подвинье стриховиков или поздних зарубинцев). Небольшой процент поселений имеет довольно сложную систему обороны: вал по краю и две линии валов по склону (Коньки, Жолнерово, Городок-Запрудье, Прудники). На городище Зароново зафиксировано три типа укреплений: две линии валов у подножья площадки, вал по склону и короткие валы с торцевых сторон площадки.

Домостроительство. Однокамерные квадратные и прямоугольные в плане жилые постройки столбовой конструкции, возникшие на днепродвинских городищах еще на последнем этапе существования культуры, на территории Витебского Подвинья просуществовали без особых конструктивных изменений до IV–V вв., когда на смену им приходят постройки

срубно-столбовой, а позднее срубной конструкции.

Постройки срубно-столбовой конструкции, по всей вероятности, были переходным типом к срубным домам. Примером такой постройки служит жилище – 4 из Старого Села размерами 4,3 x 4,6 м. Нижний венец строения был углублен в материковую поверхность. Судя по ширине канавок, для сооружения стен использовались бревна диаметром 14–18 см. Наличие в канавках следов от столбовых ям свидетельствует о срубно-столбовой конструкции жилища. Очаг по-прежнему занимает центр постройки, на что указывают разбросанные в заполнении строения обожженные камни, однако подочажная яма отсутствует [4, с. 302, рис. 3].

На заключительном этапе раннего железного века в Витебском Подвинье получает распространение срубная конструкция стен. Нижние части срубных построек исследованы на городищах Загорцы, Старое Село, Камень. На городищах это квадратные в плане жилища площадью от 11 до 20 м², в которых сохраняется центральное местоположение очага. Как отмечает Лявданский, каменные очаги также сохраняют

Витебское Подвинье в первой половине I тыс. н.э.
Поселения с находками керамики «с расчесами»

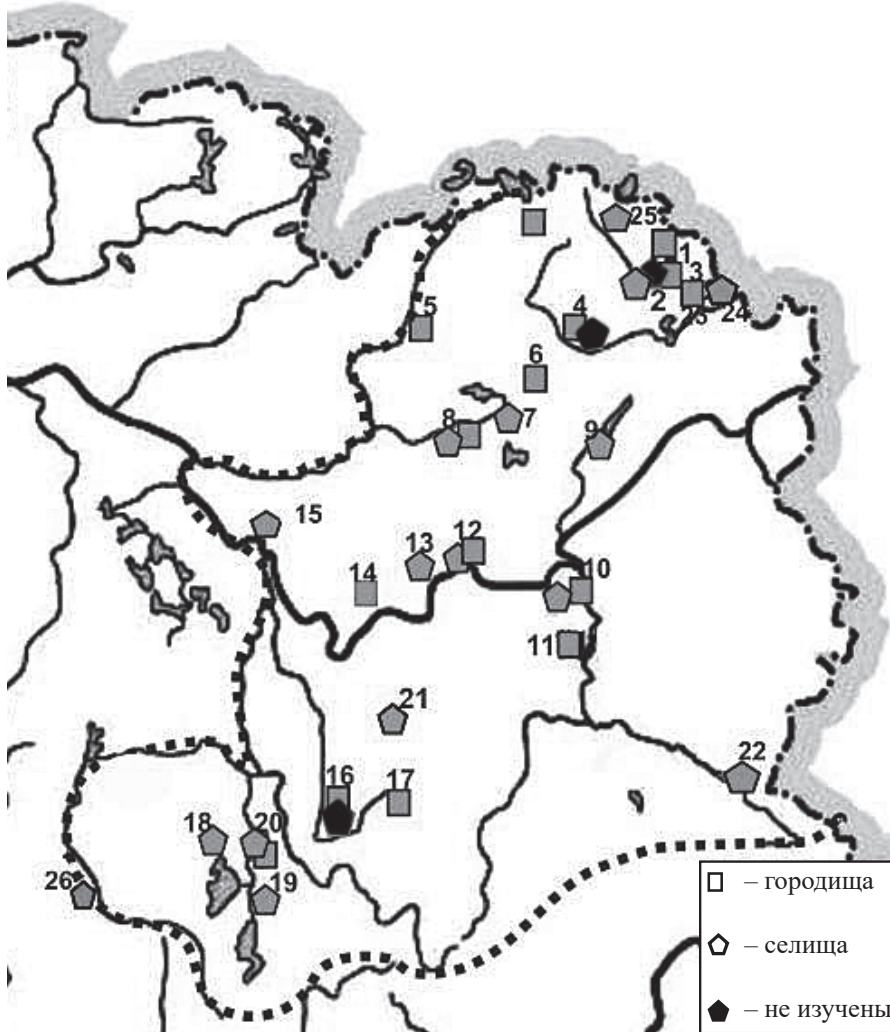

Рис. 2. Карта поселений Витебского Подвинья, где известны находки керамики «с расчесами»: 1 – Лялевщина-Жеребцы; 2 – Межа; 3 – Загорцы; 4 – Вышадки; 5 – Кисели-Пристань; 6 – Новый Болецк-Буряково; 7 – Городок; 8 – Казиново; 9 – Хоботы; 10 – Витебск; 11 – Витебск-Бороники; 12 – Старое Село; 13 – Уволоки-Крыжи; 14 – Синяково; 15 – Кордон; 16 – Новое Село; 17 – Замошье; 18 – Слободка; 19 – Старые Лавки; 20 – Лукомль; 21 – Хизова-Андруки; 22 – Бабиновичи; 23 – Куково; 24 – Борки; 25 – Дорохи; 26 – Черная Лоза

примитивную форму и устроены непосредственно на земляном полу (Загорцы, Старое Село) [5, с. 222].

Облик материальной культуры населения Витебского Подвинья на завершающем этапе раннего железного века представлен значительно разнообразнее, чем в предыдущие периоды. Культура основного населения региона, безусловно, имела свои истоки в днепро-двинской культуре, однако под влиянием миграций южных групп населения (штриховики и поздние зарубинцы) и позднедьяковских племен она приобрела своеобразные черты, которые позволяют предположить сложение в Витебском Подвинье регионального варианта днепро-двинской культуры.

Не позднее второй половины – конца III–IV в. н.э. начинается целенаправленное заселение изучаемого региона праславянским населением верхнеднепровского варианта киевской культуры (селище Луговое – Городок) [6]. Материалы верхнеднепровского варианта киевской культуры, визитной карточкой которого является керамика с расчесами, зафиксированы на 26 поселениях Витебского Подвинья (рис. 2). На большинстве объектов это либо подъемный материал,

либо артефакты получены в результате разведочной шурфовки поселений. На поселениях, исследованных широкими площадями, процент керамики с расчесами весьма значителен: селище Городок – 24,0%, городища: Вышадки – 6,0%, Замошье – 4,2%, Новое Село – 1,2%, Загорцы – 1,0% (рис. 3). На селище Зароново сосуды с расчесами не встречены, однако керамический комплекс селища полностью соответствует позднему этапу верхнеднепровского варианта киевской культуры. Данный вывод подтверждается присутствием в культурном слое вещей центрально-европейского происхождения и их дериватов, которые могли попасть в регион из Поднепровья.

Возможной причиной миграции в Витебское Подвинье племен киевской культуры послужили дестабилизационные процессы второй половины IV в., вызванные военными столкновениями с готами и вторжением гуннов. Однако более убедительным поводом для проникновения земледельческого населения в северные регионы, на наш взгляд, послужили благоприятные климатические условия, сложившиеся к IV веку в Витебском Подвинье. Увеличение средне-

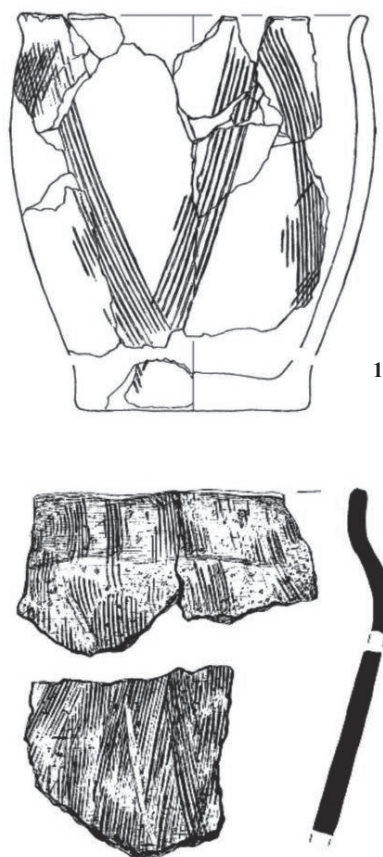

Рис. 3. Формы керамических горшков с расчесами верхнеднепровского варианта киевской культуры из Нового Села Сенненского района (1) и Городка (2)

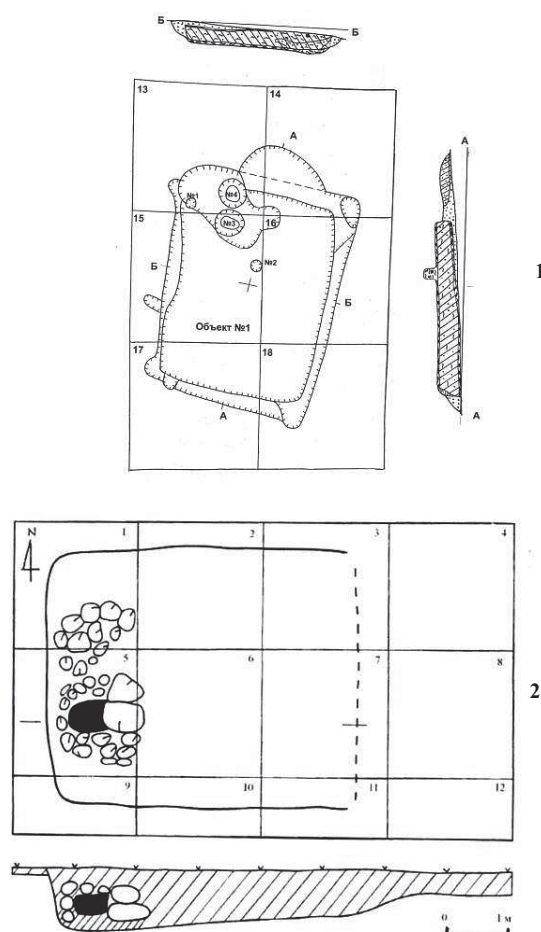

Рис. 4. Типы построек середины – третьей четверти I тыс. н.э. на селищах Зарово (1) и Лужесно (2) Витебского района

годовых температур на фоне уменьшения количества осадков способствовало освобождению от воды значительной территории в зоне Лучосской и Суражской низменностей, что открыло южным племенам проход в ранее труднодоступные места правого берега Западной Двины, где имелись прекрасные возможности для введения в сельскохозяйственный оборот пойменных угодий с плодородными аллювиальными почвами и занятия животноводством.

В результате нескольких этапов миграций праславянских групп населения из южных областей в северные регионы к IV–V вв. в Витебском Подвинье формируется круг древностей типа Заозерье–Узмень–Городок [7, с. 276]. Сопоставление вещевых комплексов с поселений Витебского Подвинья (Городок, Зарово, Замощье, Новое Село) с материалами поселений южной части Псковской области (Узмень, Жабино, Фролы, Полибино и др.) подтверждает, что древности круга киевской культуры, характерные для памятников типа Узмень–Заозерье, имели единовременное распространение как на юге Псковской области, так и на северо-востоке Беларуси.

Для третьей четверти I тыс. н.э., несмотря на сильное похолодание (среднегодовые температуры летом были на 0,5–1°, зимой на 1–1,5° ниже современных), характерно резкое уменьшение среднегодовых осадков (на 50 мм) [8, с. 680]. Это привело к максимальному сокращению акватории водоемов и дальнейшему обсыханию пойменных участков, используемых в хозяйственной деятельности.

В поселенческой системе середины – третьей четверти I тыс. н.э. происходят существенные изменения, вызванные расселением в Витебском Подвинье земледельческого населения из южных регионов. Характерной чертой для этого периода является общее сокращение числа укрепленных поселений и переход к жизни на селищах, которые становятся основным типом поселений. Отметим лишь то, что на этапе использования городищ в качестве убежищ количество линий обороны и высота земляных укреплений имели тенденцию к увеличению (до 3–5 м).

От селищанских жилищ сохранились углубленные в грунт нижние части построек либо развалы очагов и куски глиняной обмазки стен в местах локализа-

Витебское Подвинье
Поселения третьей четверти I тыс. н.э.

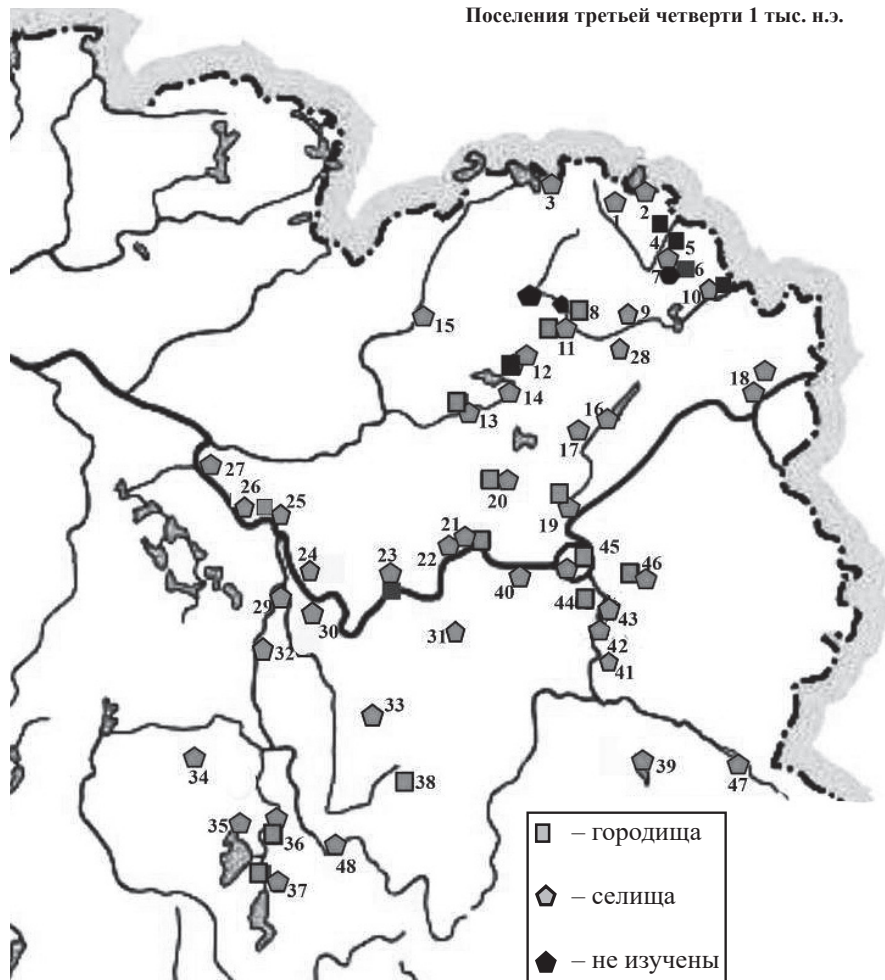

Рис. 5. Карта поселений Витебского Подвинья второй половины I тыс. н.э.: 1 – Бибино; 2 – Дорохи; 3 – Жуково; 4 – Лялевщина-Карловка; 5 – Лялевщина-Жеребцы; 6 – Степановичи-Загорцы; 7 – Межа; 8 – Вышадки; 9 – Двухполье; 10 – Борки; 11 – Бескатово; 12 – Новый Болец-Бураково; 13 – Казиново; 14 – Городок; 15 – Кисели-Пристань; 16 – Хоботы; 17 – Кули; 18 – Казаково; 19 – Лужесно; 20 – Зароново; 21 – Старое Село; 22 – Уволоки-Крыжи; 23 – Бокишево; 24 – Надежино; 25 – Кордон; 26 – Илово; 27 – Филиповка; 28 – Селезни-Мяли; 29 – Стрижев; 30 – Ворохобки; 31 – Дубрава; 32 – Подрезы; 33 – Хизова-Андруки; 34 – Кострица; 35 – Слободка; 36 – Лукомль; 37 – Старые Лавки; 38 – Замошье; 39 – Серокоротня; 40 – Каныши; 41 – Кузьменцы; 42 – Мяклово; 43 – Селюты-Шапуры; 44 – Витебск-Бороники; 45 – Витебск; 46 – Жолне-рово; 47 – Бабиновичи

ции наземных сооружений. Полуземляночные жилища врезались в материк на глубину от 0,25–0,5 м до 0,5–1,0 м. Это были квадратные или близкие к квадрату постройки размерами 3–4 × 5 м. Отсутствие следов от столбовых ям позволяет предположить срубную конструкцию стен жилищ. Судя по значительному количеству фрагментов глиняной обмазки, стены рубились из относительно тонких бревен и для лучшего сохранения тепловых качеств промазывались глиной.

Печь является одним из наиболее стабильных элементов жилища. Отопительные устройства в жилищах (Зароново, Лужесно, Илово) располагались возле одной из стен: ближней или дальней от входа. В большинстве случаев это открытые очаги, изредка печи-каменки (Лужесно, Зароново). Судя по размерам подочажных ям, очаги имели небольшие размеры (Зароново), в ряде случаев они устанавливались непосредственно на земляной пол.

Полностью исследованные жилые постройки середины – третьей четверти I тыс. н.э. отражают две традиции в домостроительстве Витебского Подвинья: местную, представленную наземными постройками срубной конструкции, и южную, визитной карточкой которой были полуземлянки.

Жилище на селище Зароново оставлено переселенцами из южных областей, вероятнее всего, представителями верхнеднепровского варианта киевской культуры. Это углубленная в материк постройка, в которой кроме основного помещения размерами 3,75 × 2,80 м был вход в виде округлой ступеньки или пологой ниши-пандуса, врезанной с северной стороны. Стены имели срубную конструкцию, нижний венец был впущен в материк (рис. 4: 1).

Справа от входа зафиксирован развал очага размерами 0,8–1,0 × 0,8 м с подочажной ямой, в которой, собственно, и лежала основная часть камней. В жилище имелся деревянный пол, на что указывает мощный слой древесного угля (до 5 см). Перекрытие крыши поддерживал центральный столб диаметром 0,2 м. Жилище, по-видимому, было покрыто дранкой либо жердями, поверх которых насыпали слой песка толщиной до 0,2 м [9, с. 279–281, рис. 5–6].

Полуземлянка на селище Лужесно размерами 4 × 5 м имела срубную конструкцию стен и была углублена в материк от 0,5 до 1,0 м. У дальней от входа стены недалеко от угла размещена печь-каменка. Ее развал размерами 1,5 × 1,5 м сохранился на высоту 0,6 м (рис. 4: 2). Несмотря на разрушенный свод, устье печи

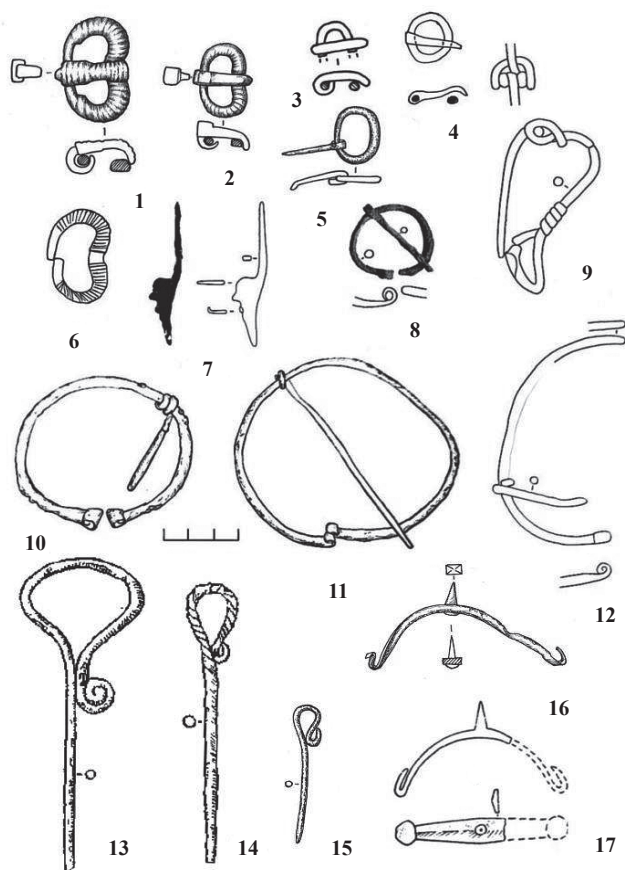

Рис. 6. Детали одежды и снаряжения из поселений Витебского Подвинья: 1–6 – пряжки; 7 – фибула подвязная; 8, 10–12 – сюльгамы; 9 – фибула воинская; 13–15 – посохвидные булавки; 16–17 – шпоры. Место находки: 1–2, 4–6, 15–16 – селище Зароново; 3 – городище Замощье; 7–9, 12 – городище Новое Село; 10–11 – городище Загорцы; 13 – городище Бураково; 14 – городище Кострица; 17 – курганный могильник Дорохи

не пострадало, размеры внутреннего пространства невелики – $0,2 \times 0,2$ м. Печь стояла непосредственно на земляном полу жилища. Г.В. Штыхов предполагает, что основной ее функцией был обогрев жилища. В жилище отсутствует центральный столб, поддерживающий конструкции крыши. Конструкция крыши, по наблюдениям автора раскопок, опиралась не на котлован, а на наземную часть стен. Углубленное в землю жилище на селище Лужесно оставлено населением банцеровско-тушемлинской общности [10, с. 260, мал. 7].

Как мы видим, конструктивные изменения повлекли за собой изменения в планировочной структуре жилищ и совершенствование отопительных устройств. На смену открытым очагам приходят печи-каменки, которые занимают место у стены, в ряде случаев рядом со входом. Исследованные печи-каменки, судя по камням основания, имели форму круга диаметром $1,0\text{--}1,5$ м, размеры устья не превышали $0,2 \times 0,2$ м [10, мал. 7]. Под их основание могла быть подведена подушка из глины и культурного слоя (Зароново), однако, чаще всего, поды в печах-каменках отсутствуют (Лужесно, Старое Село, Зароново).

Конструктивные особенности исследованных жилищ, соотношение печь – передний угол – вход, позволяют предположить, что под влиянием пришлого населения в Витебском Подвинье начинает оформляться тип внутренней планировки жилища с печью в ближайшем от входа углу, который впоследствии будет известен как белорусский тип планировки [11, с. 63].

На сегодняшний день в Витебском Подвинье известно более трех десятков неукрепленных поселений тушемлинско-банцеровской общности и культуры ранних (псковских) длинных курганов (рис. 5), для которых, по выдвинутой российскими археологами гипотезе, единой подосновой послужили древности круга Узмень–Заозерье–Городок [7, с. 92, 103]. Наличие на правобережной части Витебского Подвинья курганных могильников VI–VIII вв.: Дорохи, Бескатово, Лятохи, Старое Село, Хоботы, – позволяет включить исследуемый регион в зону распространения ранних длинных курганов, которые интерпретируются как погребения балто-славянского населения [12, с. 95].

Характеристика и хронология вещевых комплексов. Вещевые комплексы, полученные в ходе исследования поселений, дают возможность проследить основные направления миграционных потоков, пролежавших через Витебское Подвинье в I тыс. н.э. Узкие хронологические рамки бытования отдельных категорий артефактов позволяют очертить временные рамки данных процессов.

Помимо довольно представительного пласта штрихованной и текстильной керамики, которая является визитной карточкой племен штрихованной керамики и поздних дяковцев, в культурном слое поселений встречаются вещи южного и центральноевропейского происхождения и их дериваты, наглядно иллюстрирующие направление миграционных потоков первой половины – третьей четверти I тыс. н.э. (рис. 6–9).

Среди ранних датирующих находок следует выделить фибулы и украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей.

Кольцевидные застёжки (*сюльгамы*) из круглого дрота имели хождение в Витебском Подвинье одновременно с подвязными фибулами (Загорцы, Новое Село). Сюльгамы из довоенной коллекции городища Загорцы классической формы завершались загнутыми в полутораоборотную спираль концами (рис. 6: 10–11), а в застёжках из Нового Села завершение в виде спирали имелось лишь на одном конце изделия (рис. 6: 8, 12). Подобные фибулы были найдены на Троицком городище, где они датированы I–II вв. н.э. [13, с. 57, табл. 16: 20, 22, 23]. Широкое распространение подковообразные застёжки имели у населения верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, где появились не ранее периода римских влияний B1–B2a (40–100 гг. н.э.) [14, с. 81; 15, с. 138].

Круглопроволочная *фибула* из Нового Села (рис. 6: 9) с асимметрично изогнутой спинкой и пластинчатым иглоприемником отнесена к средневропейской серии (вариант 1) одночастных подвязных фибул,

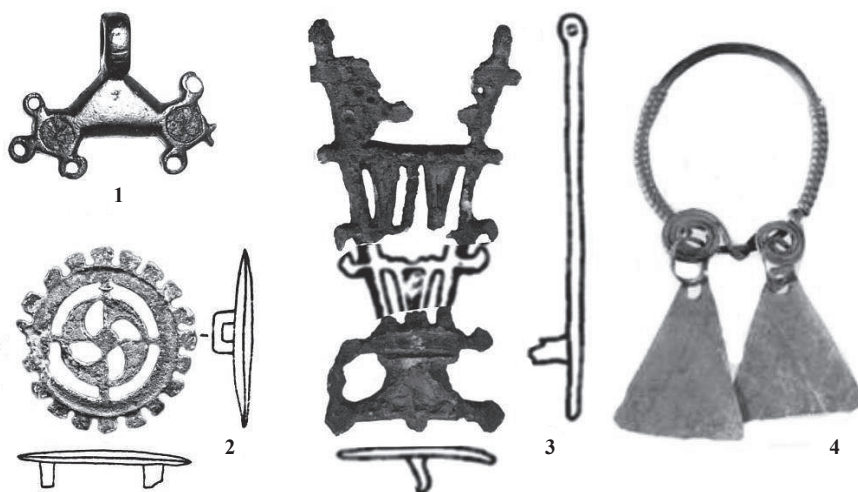

Рис. 7. Вещи зарубинецкого круга древностей: украшения с эмалями (1–3) и височное кольцо (4). Место находки: 1, 3 – селище Черная Лоза; 2 – городище Лукомль; 4 – городище Бороники

хронологические рамки бытования которых конец II–III вв. н.э. [16, с. 59].

Группа украшений с выемчатыми эмалями из поселений левобережной части Витебского Подвинья объединяет треугольные ажурные фибулы (Черная Лоза, Лукомль, Сенница) (рис. 7: 3) и круглую отлитую из бронзы *фибулу-брошь* в виде сегнерова колеса с четырьмя загнутыми спицами, украшенными эмалевыми вставками красного и оранжевого цветов из Лукомля (рис. 7: 2) [17, с. 26; 18, с. 185]. Вещи с эмалями в III–IV вв. н.э. были распространены на территории Среднего Поднепровья, серия подобных застёжек происходит из Мощинского клада, который датирован III в. н.э.

К кругу зарубинецких древностей Л.Д. Поболь относит клад *височных колец с витыми щитками и миниатюрными трапецевидными подвесками* (комплект и дужка от третьего кольца) из Бороник (рис. 7: 4) [19, с. 134]. Можем лишь добавить, что кольца и браслеты с витыми щитками и миниатюрными подвесками известны в позднеримское время у древнегерманских племен.

Ближайшие аналогии биллоновой шейной гривне из Старого Села, изготовленной из перевитого дрота, конец которого оформлен в виде грибовидной застёжки (рис. 8: 6), известны с III в. в могильниках северо-восточной Эстонии и у латышских племен [20, с. 95]. В кладе Троицкого городища подобные украшения датированы по аналогии с «диадемами» Мощинского клада III–V вв. [21, с. 56, рис. VII: 1].

Довольно редкое явление среди древностей изучаемого периода *лунница пельтовидная* (Зароново) из свинцово-оловянистого сплава, инкрустированная зернью (рис. 8: 1). Лунницы, инкрустированные зернью и сканью, относятся к фазе C2 (вторая половина III в. н.э.), однако отдельные образцы продолжали встречаться и в IV в. наряду с гладкими лунницами-пельтами. Со второй половины IV в. трехрогие лунницы и их дериваты стали популярны и на севере Европы [22, с. 115–116]. Находка в Витебске литейной формочки для отливки пельтовидных лунниц может свидетельствовать о существовании в Витебском Под-

винье в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э. местного производства данных украшений (рис. 8: 7).

Височные кольца из бронзовой проволоки круглого сечения с одним утолщенным концом (Зароново, Старое Село) по концам иногда декорированы неглубокими поперечными насечками (рис. 8: 2, 3). Подобные украшения были распространены среди древностей киевской культуры, круга Узмень–Заозерье, в тушемлинской культуре, довольно часто они встречались в колочинское время [7, рис. 26: 5].

Браслеты литые бронзовые (Зароново, Старое Село, Мазалово, Лукомль) с круглой в сечении средней частью и расширяющимися концами овального или круглого сечения (рис. 8: 4, 5). Аналогичные браслеты характерны для погребальных комплексов Прибалтики V–VI вв. н.э. [20, с. 134, рис. 32: 8]. Е.Р. Михайлова относит браслеты различного сечения с утолщенными концами, украшенными геометрическим орнаментом, к хронологическим индикаторам периода ПА развития культуры псковско-новгородских длинных курганов (вторая половина VI–VII в.). [23, с. 533–536, 543].

Редкими украшениями для исследуемого региона являются одноцветные бусы из стекла (рис. 9). Наибольший интерес представляют *винтообразные усеченно-биконические бусы* из прозрачного стекла светло-зеленого цвета (рис. 9: 1, 2), изготовленные способом навивки (Городок, Новое Село), жгуты не заглажены и четко видны [6, с. 170, рис. 4: 2; 24, с. 269, фото 66: 5]. Полная аналогия бус из Нового Села известна в Польше на селище Любищево, которое датировано IV–V вв. н.э. (25, s. 52). В Центральной Европе такие бусы наиболее часто встречаются в комплексах позднего римского времени (ступень C1b – C2) [26, s. 45–47, abb. 6, taf. 3, 192]. В Восточной Европе усеченно-биконические бусы характерны для черняховских могильников середины III – первой трети IV в. [27, с. 33–34 рис. 11, 17].

Полиэдрические бусы из синего стекла (рис. 9: 5) также отнесены к числу редких находок (селище Зароново). На территории Белорусского Подвинья они встречены впервые, хотя известны практически во

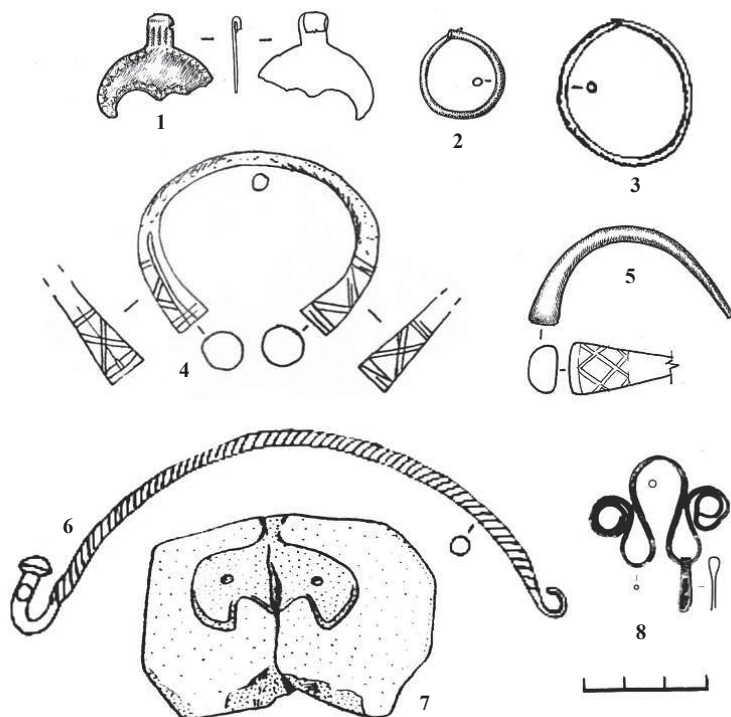

Рис. 8. Ювелирные украшения из поселений Витебского Подвинья: 1 – лунница пельто-видная; 2–3 – височные кольца; 4–5 – браслеты с утолщенными концами; 6 – фрагмент шейной гривны; 7 – литейная формочка для отливки лунниц; 8 – очковидная привеска-держатель. Место находки: 1–2, 5 – селище Зароново; 3–4, 6 – городище Старое Село; 7 – селище Витебск; 8 – городище Новое Село

всех культурах Восточной Европы в III–VII вв. н.э. На ближайших к Зароново поселениях Узмень и Фролы синие полиэдрические бусы датированы второй половиной IV–V в. [7, с. 65].

Зонные бусины (Новое Село, Витебск) из синего полупрозрачного стекла (рис. 9: 3), изготовленные путем навивки, соотношение высоты и диаметра в них равно $1/3$ и $2/3$. Количественный пик синих зонных бус в Европе приходится на фазу D (375–450 гг. н.э.) [26, S. 27].

Пронизки двучастные из стекла синего цвета найдены на селище Городок–Луговое (рис. 9: 4, 6, 7). По классификации Темпельман-Мачинской, подобные бусы (тип 91a) относятся к фазе D (375–450 гг.) [26, S. 33]. В Европе одноцветные многочастные пронизки бытовали в течение всего I тысячелетия н.э.

Значительная по численности группа объединяет предметы туалета, детали одежды и снаряжения всадника: бритвы, посоховидные булавки, пряжки и шпоры.

Бритвы с изогнутым лезвием и прямым черенком в позднеримское время широко представлены в памятниках пшеворской культуры, нередкая находка среди древностей днепро-двинской культуры, штрихованной керамики, киевской культуры первой половины I тыс. н.э. [28, с. 84]. В прибалтийских древностях бритвы с отчетливо выраженным переходом от лезвия к держателю датируют III–IV вв. н.э. [20, с. 92, рис. 26: 7]. Завершение черенка крючком зафиксировано в бритве из Загорцев. Подобные бритвы найдены в Ивани и Банцеровщине. А.А. Егорейченко предполагает, что их прототипом были изделия раннеримского периода [28, рис. 11: 4, 5]. В лесной полосе Восточной Европы бритвы появились в IV – начале V в.,

а к VI в. вышли из употребления [29, с. 99].

Посоховидные булавки, по наблюдениям А.М. Медведова, на территории Витебского Подвинья получают распространение не ранее рубежа – I в. н.э. (рис. 6: 13–15) По форме головки булавки делятся на три типа: с круглой головкой, каплевидной и подтреугольной (Зароново, Жуково). Среди последних встречаются экземпляры с тордированной головкой (Жуково, Новое Село). В отдельную группу выделены булавки с прямым стержнем, переходящим в круглую головку. Данный тип булавок характерен для поселений культуры штрихованной керамики, а позднее – для верхнеднепровского варианта киевской культуры и древностей круга Узмень–Заозерье [30, с. 195, рис. 10: 4–7; 7, с. 60]. Во второй половине I тысячелетия н.э. такой вид застёжек вышел из употребления.

Детали поясной гарнитуры представлены небольшими *круглыми* (рис. 6: 4) и *овальными пряжками* (рис. 6: 3, 5) с утолщенной передней рамкой и хоботовидным язычком (Зароново, Старое Село, Замошье Загорцы, Витебск) получили распространение среди населения Витебского Подвинья во второй четверти I тыс. н.э. В черняховских древностях маленькие круглые пряжки имели хождение в последней четверти III – первой четверти IV в. (тип A1a по Е.Л. Гороховскому) [31, с. 43]. Маленькие пряжки уплощенно-овальной формы с утолщенной передней рамкой по классификации Р. Мадыда-Легутко датируются в рамках фаз C2 – D (260–450 гг. н.э.) [32, с. 13].

Рифленые пряжки «В-образной» формы из железа и бронзы в Витебском Подвинье найдены лишь на селище Зароново (рис. 6: 1, 2, 6). Следует отметить, что они нечасто встречаются и в других регионах

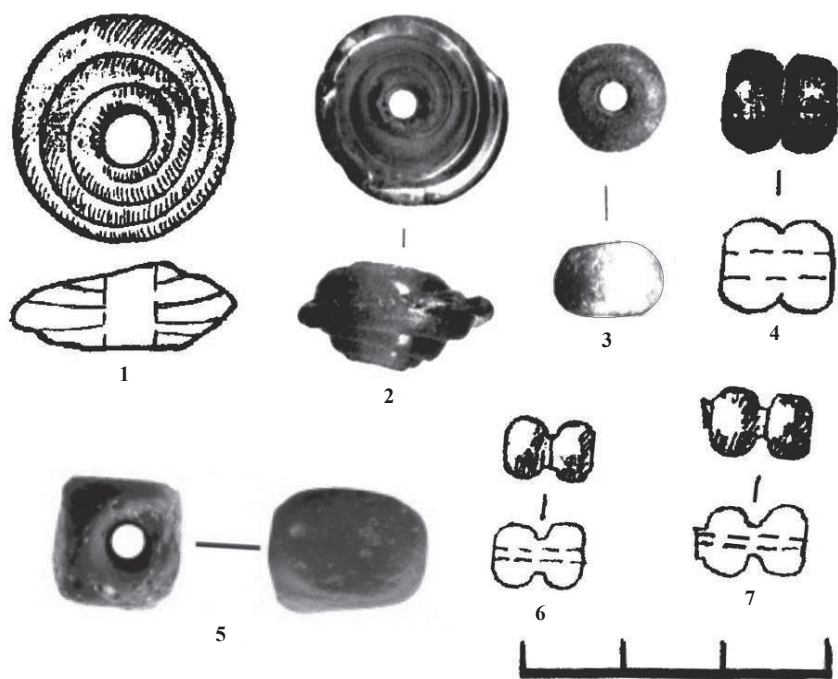

Рис. 9. Стекланные бусы из поселений I тыс. н.э. на территории Витебского Подвинья: 1–2 – усеченно-биконические зеленые; 3 – зонная синяя; 4, 6–7 – пронизки двучастные из синего стекла; 5 – полиэдрическая синяя. Место находки: 1, 4, 6–7 – селище Городок; 2–3 – городище Новое Село; 5 – селище Зароново

Беларуси (Лемница, Засвирь, Черная Луза), где датированные второй – третьей четвертью V в. [33, рис. 3.52: а 3, б 3].

В северо-западных регионах России исследователи относят появление данных пряжек к середине – второй половине V в. н.э. [4, с. 63]. Е.Р. Михайлова считает, что для Восточной Европы время бытования пряжек следует расширить с конца IV в. до второй половины VI–VII в. [34, с. 530].

Шпоры с коротким пирамидальным или коническим шипом и загнутыми наружу крючками (Зароново, Жуково, Замошье, Городок). Дуга изготавливалась из граненого дрота и была несколько расширена в центральной части, шип изнутри заклепан (рис. 6: 16, 17). М.М. Казанский считает, что шпоры данного типа попали в лесную полосу Беларуси и России с группами мигрирующего постзарубинецкого населения и принадлежат римскому времени – период С3 (вторая треть IV в. н.э.) [35, с. 265]. Шпоры с небольшим коническим шипом (тип V) в лесной полосе Восточной Европы датируют второй–третьей четвертью I тысячелетия н.э. [36, с. 122].

Из вещей бытового назначения к хронологическим индикаторам отнесены *долотовидные кресала*. В Центральной и Северной Европе они датируются периодами С3–D1, частично D2, (вторая треть IV – первая половина V в. [37, с. 74]. В Восточной Европе в поздне-римский период долотовидные кресала встречены на памятниках черняховской и киевской культур [38, с. 86], хорошо известны в Поднепровье на памятниках пражской культуры [39, с. 331, мал. 102: 3, 4].

Краткий обзор предметов импорта и их местных подражаний представлен в основном артефактами,

датируемыми первой половиной – серединой I тыс. н.э., т.е. временем, когда местное балтское население испытывало довольно сильное влияние со стороны постоянно проникающего на его территорию разнотнического населения. В результате симбиоза в Витебском Подвинье сложилась своеобразная материальная культура, которая впитала в себя как местные традиции, так и новации.

В конце VIII века, по мнению ряда ученых, на смену тушемлинско-банцеровской общности приходит новое население, оставившее после себя полоцко-смоленские длинные курганы. Материальная культура племен кардинально отличается от древностей третьей четверти I тысячелетия. Новое население принято связывать с ранними кривичами.

В отличие от Смоленского Поднепровья, где ученые отмечают насильственную смену населения на рубеже VIII–IX вв., на исследованных поселениях в Витебском Подвинье подобной картины мы не наблюдаем (Старое Село, Городок). Между культурой длинных курганов VI–VIII вв. и погребальными памятниками IX–XI в., которые признаны славянскими, прослеживается преемственность в погребальной обрядности, к тому же они сосуществуют в одних могильниках. Все вышеизложенное указывает на то, что подоснову кривичей следует искать в местных культурах третьей четверти I тыс. н.э. Г.В. Штыхов на примере курганных могильников возле д. Дорохи в окрестностях озера Сенница выделил три стадии развития культуры длинных курганов: третья четверть I тыс. н.э., четвертая четверть и XI–XII веками [12, с. 105]. Доживая до XI–XII вв. культура входит составной частью в культуру Древней Руси.

Заключение. Таким образом, материалы, полученные в последние годы в процессе изучения поселений Витебского Подвинья, в той или иной мере отражают миграционные процессы, протекавшие в северо-восточной Беларуси в первой половине – середине I тыс. н.э., направление и характер взаимодействия различных этносов на разных этапах их колонизации. В этот период автохтонное население Витебского Подвинья испытало довольно сильное влияние со стороны постоянно проникающих на его территорию пришлых групп штриховиков, финно-угорского и праславянского населения. В результате нескольких волн праславянской колонизации региона здесь во второй половине первого тысячелетия н.э. сформировался полиэтнический состав населения с преобладанием славянского компонента.

Статья подготовлена в рамках выполнения Государственной программы фундаментальных исследований на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подпрограмма 13.1 «История и культура», задание «Население Витебского Подвинья в I – начале II тыс. н.э.»

Литература

1. Шадыро, В.И. О финно-угорском субстрате на севере Белоруссии (гидронимия и археология) / В.И. Шадыро, Р.И. Овчинникова // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. – Псков, 1992. – С. 60–63.
2. Левко, О.Н. Археологический комплекс Кордон на пути «из варяг в греки»: исследования 2015–2018 гг. / О.Н. Левко // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – С. 319–375.
3. Шут, К.П. Отчет о полевых археологических работах в 1965 г. / К.П. Шут // ОАНД ГНУ «Институт истории НАН Беларуси». – Минск, 1966. – Д. № 257. – 74 с., илл.
4. Бубенько, Т.С. Археологический комплекс в деревне Старое Село Витебского района Витебской области: предварительные итоги и перспективы изучения / Т.С. Бубенько, П.Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 298–319.
5. Ляўданскі, А.М. Археалагічныя доследы ў БССР у 1933–1934 гг. / А.М. Ляўданскі, К.М. Палікарповіч // Запіскі Беларускай Акадэміі навук. – Менск, 1936. – Кніга 5. – С. 211–223.
6. Левко, О.Н. Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской обл. / О.Н. Левко // МАБ. – 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л.Д. Поболя). – С. 164–181.
7. Лопатин, Н.В. Северные рубежи раннеславянского мира в III–V вв. н.э. / Н.В. Лопатин, А.Г. Фурасьев // Археология славян и их соседей / РСМ. – Вып. 8. – М.: Ин-т археологии РАН, 2007. – 251 с.
8. Клименко, В.В. Изменение климата на западе европейской части России в позднем голоцене / В.В. Клименко, В.А. Клеманов [и др.] // Доклады Российской Академии наук. – М., 2001. – Т. 376. – № 5. – С. 679–683.
9. Бубенько, Т.С. Селище археологического комплекса у деревни Зароново Витебского района Витебской области. Исследование 2018 г. / Т.С. Бубенько // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 272–298.
10. Штыхаў, Г.В. Лужаснянскі археалагічны комплекс каля Віцебска / Г.В. Штыхаў // МАБ. – 2003. – Вып. 8 : Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья (к 80-летию Л.Д. Поболя). – С. 258–277.
11. Спегальский, Ю.П. Жилища северо-западной Руси IX–XIII вв. / Ю.П. Спегальский. – Л., 1972. – 275 с.
12. Штыхаў, Г.В. Крывічы: Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Г.В. Штыхаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
13. Дубынин, А.Ф. Троицкое городище / А.Ф. Дубынин // Древнее поселение в Подмоскovie. – М.: Наука, 1970. – С. 5–98.
14. Дробушевский, А.И. Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья / А.И. Дробушевский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 38–135.
15. Пилипцевич, В.В. К вопросу о поздней дате зарубинецкой культуры в Верхнем Поднепровье / В.В. Пилипцевич // Славянский мир Полесья в древности и средневековье: материалы Междунар. науч. конф. – Гомель, 2004. – С. 134–143.
16. Амброз, А.К. Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.) / А.К. Амброз // САИ. – М.: Наука, 1966. – Вып. Д1-30. – 139 с.
17. Штыхов, Г.В. Лукомль: археологический комплекс железного века и средневековья / Г.В. Штыхов. – Минск: Беларус. навука, 2014. – 168 с.
18. Харитонович, З.А. Находки изделий с выемчатыми эмальями на территории Беларуси / З.А. Харитонович // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2016. – Кн. 1. – (Славянские древности Беларуси). – С. 175–197.
19. Пობоль, Л.Д. Археологические памятники Белоруссии: Железный век / Л.Д. Пობоль. – Минск: Наука и техника, 1983. – 456 с.: илл.
20. Шмидехельм, М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии / М.Х. Шмидехельм. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1955. – 289 с.
21. Смирнов, К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) / К.А. Смирнов // Дьяковская культура. – М.: Наука, 1974. – С. 7–89.
22. Каргапольцев, С.Ю. К вопросу об эволюции трехрогих пельовидных лунниц в Европе (III–VI вв.) / С.Ю. Каргапольцев, И.А. Бажан // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1993. – Вып. 7. – С. 113–121.

23. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
24. Подгурский, П.Н. Археологические раскопки в Новом Селе (предварительные результаты) / П.Н. Подгурский // Славяне на территории Беларуси в догосударственный период: к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Побоя: в 2 кн. / О.Н. Левко [и др.]; науч. ред.: О.Н. Левко, В.Г. Белевец; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – 2-е изд., испр., перераб. и доп. – Минск: Беларус. навука, 2019. – Кн. 2. – (Славянские древности Беларуси). – С. 264–271.
25. Stawiarska, T. Katalog paciorków szklanych z obszaru Polski Połnocnej w okresie wpływów rzymskich / T. Stawiarska. – Wrocław: Ossolineum, 1987. – 147 s.
26. Tempelmann-Maczyńska, M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum; Römisch-germanische kommission des Deutschen archäologischen instituts zu Frankfurt am Main / M. Tempelmann-Maczyńska // – Mainz am Rhein : Verlag Philipp von Zabern, 1985. – Bd. 43: Römisch-Germanische Forschungen. – 420 s.
27. Гопкало, О.В. Бусы и подвески черняховской культуры / О.В. Гопкало. – Киев, 2008. – 252 с.
28. Егорейченко, А.А. Культуры штрихованной керамики / А.А. Егорейченко. – Минск: БГУ, 2006. – 207 с.
29. Седов, В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование / В.В. Седов. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 320 с.
30. Медведев, А.М. Посоховидные булавки / А.М. Медведев // ГАЗ. – 1995. – № 7. – С. 172–201.
31. Гороховский, Е.Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины / Е.Л. Гороховский // Тр. V Междунар. конгр. археологов-славистов. – Т. 4: Секция 1. Древние славяне. – Киев, 1988. – С. 34–46.
32. Кенько, П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I–XIII вв.) / П.М. Кенько. – Минск, 2012. – 174 с.
33. Медведев, А.М. Верхнее Понеманье в железном веке и раннем средневековье / А.М. Медведев. – Минск: Беларус. навука, 2011. – 350 с.
34. Михайлова, Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов / Е.Р. Михайлова // Петербургский апокриф. Послание от Марка / ред. О.В. Шаров; Stratum Библиотека. – Кишинев: Высш. антрополог. школа, 2011. – С. 527–555.
35. Казанский, М.М. Оружие киевской культуры / М.М. Казанский // Памятники старины: концепции, открытия, версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. – СПб.; Псков, 1997. – Т. 1. – С. 262–269.
36. Перхавко, В.Б. Появление и распространение шпор на территории Восточной Европы / В.Б. Перхавко // СА. – 1978. – № 3. – С. 113–126.
37. Shuster, J. Przekłuwacze typu Dresden-Dobritz / Żemiki Wielkie. Uwagi na temat narzędzi z późnego okresu rzymskiego i wczesnej fazy okresu wędrówek ludów / J. Shuster // Wiadomości Archeologiczne. – Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne. – 2011. – T. LXII. – S. 65–82.
38. Магомедов, Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса / Б.В. Магомедов. – Lublin : UMCS, 2001. – 290 с.
39. Вяргей, В.С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лукі-Райкавецкай / В.С. Вяргей // Археалогія Беларусі: у 4 т. – Мінск: Беларус. навука, 1999. – Т. 2: Жалезны век і раннія сярэднявечча / рэд.: В.І. Шадыра, В.С. Вяргей. – С. 317–347.

Поступила в редакцию 01.04.2021